

18/034

В. Филатов и П. Яковлев

П
ОЧЕМУ
ЛЮДИ
ГОВОРЯТ
НА
РАЗНЫХ
ЯЗЫКАХ

ОГИЗ Госполитиздат: 1945

ЖК

Проф. В. НИКОЛЬСКИЙ и проф. Н. ЯКОВЛЕВ

ПОЧЕМУ ЛЮДИ ГОВОРЯТ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

С предисловием и под редакцией
академика И. И. МЕЩАНИНОВА

184034.

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1945

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему люди говорят на разных языках, а не на одном? Ведь язык служит необходимым средством общения между людьми. А для такого общения лучшим средством служил бы один, общий для всех, язык. Почему же пережитая история человечества привела не к единству языка, а к многообразию речи, с которым приходится считаться и по сей день?

Эта тема разрабатывается не в первый раз. На ней останавливались и любители и крупные учёные. И всё же ясного ответа долго не удавалось получить. Этому в первую очередь препятствовал сам материал, сама человеческая речь. Своими истоками она уходит в необычайную глубину истории. Ведь человечество говорит сотни тысяч лет. Между тем, дать исчерпывающий ответ без постановки вопроса о происхождении языка невозможно. Происхождение же речи теряется в глубокой древности. Отсюда понятно, что философско-религиозная мысль пережитых эпох искала ответа на этот вопрос в «божественном» происхождении языка. Отсюда же понятно, что философы-материалисты связывали этот вопрос с проблемами развития самого человеческого общества. Языковеды шли по тем же направлениям. Вопрос, в конце концов, стал проясняться.

Правильный путь к разрешению затронутого здесь вопроса впервые дало учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Теперь тайна и этой загадки вскрывается. Материал, проверенный и обработанный, имеется. Этнографы сделали за последнее столетие ряд ценнейших наблюдений над прежде малоизученными отсталыми народностями Азии,

Африки, Америки и островов Тихого океана. Языковеды собрали богатый материал, углубившись в изучение разносистемных языков мира. Развитие живого организма вскрыто гениальным английским учёным Дарвином. История развития человеческого общества получила своё освещение в трудах классиков марксизма-ленинизма. Почва для серьёзной, научно обоснованной постановки и нашего вопроса подготовлена. Авторы настоящей работы в краткой и популярной форме знакомят с тем ответом, какой даёт передовая наука.

Академик И. И. МЕЩАНИНОВ

СКОЛЬКО ЯЗЫКОВ НА СВЕТЕ?

Учёные насчитывают во всём мире около двух тысяч языков. В это число входят такие мировые, или международные, языки, как русский, английский, французский, арабский, китайский и др.

Мировым следует считать такой язык, на котором говорят представители не только одного, но и многих народов: Например, русский язык распространён в Европе, Азии и Северной Америке, на нём говорят в СССР, а также в славянских государствах, в Соединённых Штатах Америки, в Монголии, Северной Манчжурии, Сипчзяне, Иране и других странах. Им пользуется в общей сложности до 250 миллионов людей, в том числе как родным — до 90 миллионов. За время Великой отечественной войны русский язык стал ещё более популярен во всех свободолюбивых странах.

На английском языке как на родном говорят различные народы в нескольких частях земного шара: англичане, американцы, ирландцы, канадцы, австралийцы, новозеландцы, южно-африканцы и т. д. Но, кроме того, английским языком пользуются также и представители многих других народов как в Великобритании, так и вне её, например, в колониальной Африке, Океании и сверх того в Египте, Китае, в Передней Азии. Всего на английском языке, по самым скромным подсчётам, говорит не менее 540 миллионов человек, в том числе родным он является для 170 миллионов (по данным 1926 г.), включая сюда 106 миллионов американцев и 47 миллионов англичан.

На французском языке говорят 107 миллионов человек (на территории Франции, Бельгии, в Швейцарии, Африке, Канаде, Соединённых Штатах Америки, в Индо-Китае и т. д.), в том числе этот язык как родной употребляют 45 миллионов.

Из внеевропейских мировых языков на первом плане следует поставить китайский язык. Им пользуется в общей сложности свыше 500 миллионов человек. Правда, в живом

произношении в Китае существует два литературных языка: северный и южный. Но на письме для всех китайцев существует один язык — это язык иероглифов, т. е. причудливых письменных знаков, изображающих целые слова или слоги. Общее число этих знаков достигает нескольких десятков тысяч. Язык иероглифов благодаря былому культурному превосходству китайцев издавна распространился и за пределами Китая, как то: в Японии, Корее, в части Индо-Китая, став тем самым международным письменным языком на Дальнем Востоке.

На арабском языке как на родном говорят до 37 миллионов человек, но помимо того он значительно распространён во всех мусульманских странах, с общим населением более 200 миллионов, на громадном протяжении от Западной Африки до Северной Индии и Западного Китая, от Балкан до Малайского архипелага.

В то время как русский язык, особенно в результате победоносной освободительной войны против фашистских людоедов, распространяется всё шире среди свободолюбивых народов, такие языки, как итальянский и особенно немецкий, на наших глазах утрачивают своё былое значение.

На испанском языке кроме населения самой Испании и остатков её колоний говорит вся Латинская Америка, за исключением Бразилии,— всего до 80 миллионов человек.

Португальский язык распространён на территориях с населением в 45 миллионов человек, в том числе 38 миллионов (среди них 27 миллионов бразильцев) говорят на нём как на родном.

Голландский язык охватывает население в 60 миллионов людей, в том числе как родной его употребляют 12,5 миллиона человек в Европе, Южной Африке (буры) и Голландской Индии.

Такого рода языки, как испанский, португальский и голландский, в отличие от мировых, или международных, языков, можно назвать межнациональными, т. е. языками, распространёнными среди нескольких наций.

По классическому определению, данному товарищем Сталиным ещё в 1913 г., *«нация—это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»*.

Нацию нельзя смешивать ни с расой, ни с племенем, т. е. ни с людьми одинакового цвета кожи или формы волос, ни с потомками, происходящими от общего предка. На протя-

жении всей истории человеческого общества не было ни одной нации, которая состояла бы из людей одной расы или одного племени. Каждая нация образовалась из людей различных рас и племён.

«Нынешняя итальянская нация,— писал товарищ Сталин,— образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. ...То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племён»¹.

Гитлеровские людоеды нагло лгут, что немцы якобы являются «чистой» и потому «избранной высшей расой». На самом же деле немецкая нация исторически сложилась из людей самых разнообразных рас и племён: из германцев, славян, древних пруссов и других литовских племён, кельтов, аваров и пр. Поэтому нет никаких оснований говорить о какой бы то ни было расовой «чистоте» и «превосходстве» немцев.

Национальный язык, т. е. родной язык одной или нескольких наций, не связан с общим расовым или племенным происхождением людей.

Мировые и межнациональные языки складывались независимо от расовых различий, одновременно и в тесной связи с развитием этих языков как родных.

Так, русский язык начиная с середины XVI века проник в Среднее и Нижнее Поволжье и далее в Сибирь, а затем на Кавказ и в Центральную Азию. В связи с ростом культурного влияния русского народа на другие народы русский язык получил широкое распространение среди южных и западных славян (болгар, сербов, чехов и др.) и во многих восточных странах.

Французский язык в XVIII веке благодаря влиянию французской культуры на все европейские страны был усвоен высшими кругами дворянства в качестве как бы второго родного языка. Ему обучались с детства и его иногда знали даже лучше родного. В XX веке французский язык оставался международным языком преимущественно в дипломатических кругах.

Иной была судьба испанского языка. В XVI веке благодаря открытию испанцами Америки и захвату в ней огромных земель испанский язык на некоторое время стал международным. Однако с образованием в XIX веке латинских государств и наций на американском материке испанский язык утратил

¹ Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1938, стр. 4.

значение международного языка и стал межнациональным.

В противоположном направлении развивался английский язык. В связи с образованием и быстрым развитием новой американской нации, а также в связи с ростом колоний и влияния Великобритании на Востоке он превратился из межнационального языка в международный.

Межнациональные языки возникали не только в Европе, но и в Азии. Так, на Дальнем Востоке, по данным 1926 г., японский язык в результате японских завоеваний (Корея, острова Формозы) охватил 75 миллионов людей, будучи родным для 55 миллионов из этого числа.

Особенно сложна картина распространения языков в Индии. Здесь, при общем количестве населения в 319 миллионов (по переписи 1921 г.), насчитывается 223 языка, причём на некоторых из этих языков говорят десятки миллионов, а на других — лишь сотни людей. Наиболее распространённым языком в Индии считается индустану́ (иначе — хинду́ и близкий ему урду), родной язык 38 миллионов индусов, который стал межнациональным для ряда близких по языку (восточный хинду, бахару́, пахару́ и др.) народов. В общей сложности язык индустану́ стал употребляться более чем 100 миллионами человек в Северной Индии.

Из других языков, широко распространённых в Индии, можно назвать язык бенгалу́, на котором говорит свыше 50 миллионов и на котором писал свои произведения знаменитый писатель Индии — Рабиндранат Тагор.

В Южной Индии наиболее распространены языки телугу, на котором говорит 24 миллиона человек, и тамилу — 19 миллионов. Если вычесть 9 самых распространённых языков Индии, то окажется, что на остальных 214 языках говорит 75 миллионов человек, т. е. в среднем на один язык приходится около трёхсот тысяч человек.

Ещё более обильны языки и наречия у африканских негров. Это объясняется тем, что народы, которые говорят на этих языках, стоят на более низкой ступени культуры. Самый высокий уровень развития негритянских языков мы находим у негров банту. Среди 50 миллионов этих негров распространено 79 языков и наречий (следовательно, в среднем на каждый язык приходится около 600 тысяч человек). Особое значение среди негров банту приобрёл язык суахели, ставший уже в XV веке языком торговых сношений на всём пространстве от Занзибара, где он является языком родным, до бассейна реки Конго на западе.

Ещё больше языков распространено среди суданских негров, населяющих широкую полосу тропической Африки к югу от Сахары: при населении в 45—50 миллионов человек здесь насчитывают около 435 языков и наречий (т. е. в среднем на один язык приходится около 100 тысяч человек). Здесь есть язык мандингов, на котором как на родном говорит 2,5 миллиона человек (верхнее течение реки Нигера), и, сверх того, как вспомогательный его употребляют более 2 миллионов негров в Западной Африке. Этот язык можно назвать межплеменным.

С точки зрения языка особенно интересными племенами в Африке являются не негритянские племена, а бушменские и готтентотские. Обладая, подобно неграм, шерстистыми волосами, они одновременно имеют не тёмную, как те, а жёлтую кожу. Поэтому учёные относят их к особой, очень древней расе, называемой бушменской. Языковеды подметили, что в их племенных языках сохранились весьма древние согласные звуки, представляющие собой различные пришёлкивания языком. Таких пришёлкиваний различного рода в языках (наречиях) более примитивных бушменов («дикарей») сохранилось до 7, а в языках (наречиях) более развитых готтентотов — до 4.

Особенно много отдельных языков и наречий у племён Новой Гвинеи и других островов Тихого океана, а равно у индейцев Южной и Северной Америки.

Знаменитый русский путешественник Миклухо-Маклай, в честь которого часть побережья Новой Гвинеи названа «Берегом Маклая», в 1871 г. первым из европейцев посетил папуасов Новой Гвинеи, не испытавших ещё никакого влияния европейской культуры. Он застал здесь первобытную жизнь. Поэтому его описание распространения языков среди папуасов особенно интересно для нас. «Почти в каждой деревне Берега Маклая, — пишет он, — своё наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов; жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают друг друга. Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовалось два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы»¹.

¹ Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I, 1940, стр. 243.

В Северной Америке, где индейцы наилучше изучены многими американскими учёными, наблюдается подобное же дробление на языки и наречия. В Северной Америке известно более 100 языков (наречий) индейцев, в среднем насчитывающих несколько тысяч человек.

Каждое племя в Австралии обладало особым языком (наречием). Следовательно, здесь не было общего языка, а было несколько сот племенных языков (наречий). В качестве межплеменных языков употреблялись различные языки жестов. У туземцев острова Тасмании тоже не было единого общего языка, а существовало несколько языков (наречий), вероятно тоже племенных, как и в Австралии. Тасманийские и австралийские племена являются наименее культурными из всех племён, исследованных учёными. На каждом племенном языке здесь говорили не тысячи человек, как в Северной Америке, а всего по нескольку сот. Язык австралийского племени аранда распался на ряд наречий: западное, южное, северное, восточное и др. Это показывает, что племенные языки уже на ступени дикости делились на наречия.

В Северной Америке, как установил Энгельс, опираясь на материалы американского учёного Моргана, появились и союзы племён, не известные в Австралии. Так, индейцы-ирокезы образовали союз племён, представлявший зачатки такой общности людей, которая выходила за рамки одного племени и впоследствии, в условиях классового общества, могла послужить началом образования народности. Союз ирокезов имел один общий (ирокезский) язык, но каждое племя отличалось особым наречием. Различия наречий в произношении, в употреблении слов и их окончаний и приставок не так велики, чтобы мешать полному взаимному пониманию племён, говорящих на наречиях одного языка. Различия же между языками таковы, что для взаимного понимания требуется переводчик или употребление вспомогательного межплеменного языка.

Таким образом, те различия в речи папуасов, которые русский путешественник Миклухо-Маклай называл наречиями, точнее следует называть языками. Энгельс же совершенно правильно говорит о племенных наречиях языка ирокезов.

История показывает нам, что племенные языки укрупняются, складываясь в языки союзов племён, становятся межплеменными (как языки древних культурных народов Америки — адтеков и инков — для ряда покорённых ими

племён) и впоследствии превращаются (уже в классовом обществе) в языки народностей.

В качестве примера такого рода языкового развития может служить происхождение языка древних римлян, так наз. латыни, т. е. латинского языка. В начале первого тысячелетия до нашего летосчисления на территории современной Италии существовал ряд небольших языков древнеиталийских племён, как то: латинян, умбров, осков, сабинов и т. д. Одна группа этих племён (латиняне) образовала союз, в котором общим языком был латинский. Центральным селением этого союза, по преданиям, была Альба Лонга. На северном краю земель этого союза — Лациума — возникло новое поселение — Рим, — составившееся из смешения представителей различных племён. С превращением этого поселения в город образовалось нечто новое, более сложное, чем племя. Это и была римская народность («*пó-пулюс ромáнус*»), сложившаяся, по преданию, из слияния трёх племён.

Римляне говорили на латинском языке, который, став языком народности, затем, благодаря римским завоеваниям, сделался государственным языком римской державы и распространился в качестве господствующего языка в ряде средиземноморских стран, частью вытесняя родные языки в этих странах, частью употребляясь наряду с ними.

Латинский язык интересен ещё и тем, что он употребляется и сейчас. В науке (в медицине, ботанике, зоологии и пр.) им пользуются во всём образованном мире. В католической церкви до сих пор латынь является языком богослужения. Таким образом, хотя римский народ давно исчез с лица земли, но, благодаря богатству и ценности литературы на латинском языке, этот язык сохраняется для различных специальных целей. Таковы же и некоторые другие языки, имеющие большое культурное и научное значение: древнееврейский, на котором была написана библия; санскрит, на котором написаны священные книги индусов; старославянский, на котором написаны первые книги для славян; древнегреческий, на котором написаны произведения великих греческих писателей и философов, и т. д. Такие языки, имеющие литературу, но на которых уже не говорят как на родных, называются «мёртвыми» литературными языками.

Часто встречаются мёртвые языки, от которых уцелели лишь отдельные надписи, рукописи или печатные книги. Таковы языки: готский, этрусский (надписи на котором до

сего дня не могут прочесть учёные), полабский (один из славянских языков, существовавший до XVIII века на левом берегу Эльбы), халдский (древнейшие надписи на котором в Закавказье относятся к началу первого тысячелетия до нашей эры) и др.

Особенно велико количество мёртвых языков, от которых не осталось ни письменности, ни литературы. Это бесписьменные мёртвые языки. Так, мёртвыми стали языки и наречия северо-западных славян, издавна населявших Центральную и Северную Германию. От них остались, однако, названия крупнейших немецких городов, как Берлин, Дрезден, Лейпциг, Любек, Штеттин и др., и славянские фамилии (Лейбниц, Кант, Вирхов и т. п.). Таким образом, хотя многие языки и говорившие на них народы исчезли, но следы их уцелели в современных живых языках.

Когда в 1876 г. на Тасмании умерла последняя туземка, то последний из языков (наречий) на этом острове оказался мёртвым. На материке Австралии вымерла не одна сотня языков (наречий). Много языков индейцев Северной Америки вымерли и продолжают вымирать.

Но есть исторические сведения об исчезнувших народах, языки которых вымерли, не оставив после себя следов, иногда даже своего имени. Количество мёртвых и вымерших языков, даже по нашим крайне неполным сведениям, значительно превышает число языков живых. Не только среди мёртвых, но и среди живых языков огромное большинство составляют бесписьменные языки. Однако для каждого из них, как показал опыт культурной революции в нашем социалистическом отечестве, возможно создание письменности. В этом случае, как видно из советского опыта, на любой язык можно перевести и произведения таких великих писателей, как Пушкин и Толстой, и таких гениальных мыслителей и политиков, как Ленин и Сталин. Таким образом, хотя культурное развитие народов, употребляющих различные языки, на всём земном шаре и неодинаково, но нет непреходимой грани между отсталыми и передовыми народами, а следовательно, любые бесписьменные языки могут быть превращены в литературные. Как нет «высших» и «низших» рас, так нет «высших» и «низших» языков.

Итак, рассматривая всё множество языков на свете — живых и мёртвых, литературных и бесписьменных, национальных, народных и племенных, а равно мировых, межнациональных и межплеменных, — мы приходим к выводу, что уровень развития отдельных языков и их культурная

роль различны. Столь же велики различия между языками в отношении числа людей, которые на них говорят. Огромное большинство языков на земном шаре принадлежит к мелким, племенным языкам. Надо заметить, что обилие таких языков и малая доступность земель, где обитают говорящие на них племена, не дают возможности изучить их как следует. Во многих случаях не удалось даже решить, следует ли считать разговорную речь того или иного племени самостоятельным языком или только одним из наречий другого языка. Поэтому цифра в две тысячи для общего числа языков на земле лишь весьма приближительна и не даёт полного представления о действительном многообразии и богатстве человеческой речи на земле.

2

КАК ОБЪЯСНЯЮТ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКОВ

С древнейших времён люди интересуются вопросом о происхождении речи: почему так много языков на свете, почему некоторые племена говорят на языках, более похожих на щебетание птиц или на шёлканье камней друг о друга, чем на человеческую речь; какой из языков древнее?

По словам английского учёного Фрэзера, у австралийского племени, жившего у залива Энкауинтер в Южной Австралии, сохранилась любопытная сказка о происхождении многочисленных языков и наречий австралийских племён. На востоке, — гласит эта сказка, — жила была злая старуха Вуррури. По ночам она бродила с толстой палкой в руке по дорогам и разоряла костры, вокруг которых спали люди. Когда она умерла, люди обрадовались и послали гонцов, чтобы возвестить всем о радостном событии. Мужчины, женщины и дети собрались над телом умершей, чтобы отпраздновать её смерть пожиранием трупа покойницы. Первым начало пир племя раминджераров и вдруг заговорило на непонятном языке. Позднее пришли с востока другие племена и, отведав кишки старухи, стали говорить на ином наречии. Наконец, явились племена севера и, пожрав остальные части трупа, начали говорить на ещё менее понятном языке¹.

У древнегреческого историка Геродота говорится о египетском фараоне (царе) Псамметихе, который будто бы

¹ По Фрэзеру. Фольклор в Ветхом завете, 1931, стр. 145.

«пожелал узнать, какой народ древнее всех прочих... Так как Псамметих в своих разысканиях о том, кто были первые люди, решительно не мог напасть на верную дорогу, то придумал наконец следующее: двух новорождённых мальчиков простого звания передал он пастуху на воспитание при стадах, причём сделал распоряжение, чтобы никто в присутствии детей не говорил ни одного слова, дабы они были предоставлены самим себе в уединённой хижине, и чтобы только пастух в определённые часы пригонял к младенцам коз, кормил бы их козьим молоком... Всё это было... приказано Псамметихом из желания услышать, какое первое слово пройдёт у детей после бессвязного младенческого лепета... Когда после двух лет такого воспитания пастух открыл дверь и вошёл в хижину, оба младенца припали к нему и, протягивая ручки, говорили «бекос». Первое время пастух слушал эти звуки равнодушно; ...наконец сообщил об этом своему господину и... привёл к нему детей. Услышал то же слово и сам Псамметих; тогда он стал разыскивать, какой народ и что называет словом «бекос», и узнал, что так фригийяне [народ, живший в древности в Малой Азии]¹ называют хлеб. Только тогда на основании такого свидетельства египтяне допустили, чтобы фригийяне считались древнее их... Эллины [древние греки] в числе других нелепостей рассказывают, будто Псамметих велел вырезать языки нескольким женщинам и им-то передал детей на воспитание»².

Эти сказки о происхождении языков нашли отклик и в библейской легенде о вавилонском столпотворении, отражающей народные мифы, которые были сочинены, как думают учёные, в первом тысячелетии до нашей эры древними евреями.

Известный английский исследователь Фрззер так толкует значение библейского мифа о рассеянии народов и языков: «Местом действия легенды является Вавилон...»³ По описанию Геродота, город Вавилон около двух с половиной тысяч лет назад имел по 20 километров в ширину и в длину. Широкие улицы были застроены трёх- и четырёхэтажными домами, а население достигало двух миллионов человек. Таким образом, эта сказка о Вавилонской башне сложилась у бедных кочевых скотоводов — евреев, жителей пустыни, в

¹ Слова авторов брошюры везде в квадратных скобках.

² Геродот, История в девяти книгах, перевод Мищенко, т. I, Москва 1888, стр. 115—116.

³ Фрззер, Фольклор в Ветхом завете, 1931, стр. 138. Остальное по Фрззеру.

результате того впечатления, которое производил на них величайший город древности. «Их пугали высокие здания,— продолжает Фрэзер,— в особенности огромные... храмы с крышами... упиравшимися, как им казалось, в самое небо»¹. Неудивительно, что евреям в те времена казалось, что эти храмы, подобные башням, упираются верхушками в небо и что именно отсюда различные народы и начали своё расселение на земле. На базары Вавилона сходились многие тысячи людей из разных стран, говорившие на множестве тогдашних языков. Беднякам евреям казалось, что какая-то сверхъестественная сила создала здесь такое чудесное и непонятное смешение наречий.

Вблизи Вавилона, по преданию, находилась и недостроенная каким-то древним царём башня Борсиппы, отремонтированная и доведённая до конца впоследствии царём Вавилона Навуходоносором (VI век до нашей эры). Она имела в высоту 42 локтя. Легенда об этой башне и могла послужить основой для библейского предания о недоконченной постройке Вавилонской башни.

Так просто объясняется возникновение легенды о смешении языков, которую древние евреи придумали для того, чтобы объяснить происхождение множества языков на земле.

В позднейшие века, пишет Фрэзер, стали предполагать, что первоначальным языком человечества был еврейский язык. Первым человеком, которому в новое время удалось опровергнуть этот вздор, был (философ) Лейбниц, сказавший, что «в предположении о том, будто еврейский язык был первоначальным языком всего человечества, заключается столько же правды, сколько в утверждении [некоего нидерландца] Горопиуса... будто бы голландский язык был именно тот, на котором говорили в раю». Один автор уверял, что Адам говорил в раю на баскском языке, другие писатели,— что уже в раю Адам и Ева говорили по-персидски, змей, соблазнивший Адама и Еву,— по-арабски, а архангел Гавриил — по-турецки. Наконец, нашёлся такой чудак среди «учёных», который всерьёз доказывал, что бог обращался к Адаму по-шведски, Адам отвечал ему по-датски, а змей говорил с Евой по-французски².

В отличие от этих наивных сказок, древнегреческий учёный Диодор Сицилийский ещё две тысячи лет тому назад пытался объяснить происхождение множественности языков

¹ Фрэзер, Фольклор в Ветхом завете, 1931, стр. 136.

² По Фрэзеру, Фольклор в Ветхом завете, 1931, стр. 140.

и наречий у людей естественными причинами. «Первоначально, — писал он. — люди жили, говорят, неустроенной и сходной со зверьми жизнью, выходили вразброд на пастбища и питались акусной травой и древесными плодами. При нападении зверей нужда научила их помогать друг другу и, собираясь вместе от страха, они начали постепенно друг друга узнавать. Голос их был ещё бессмысленным и нечленораздельным, но постепенно они перешли к членораздельным словам и, установив друг с другом символы для каждой вещи, создали понятное для них самих изъяснение относительно всего. А так как такие объединения имели место по всему миру, то язык оказался не у всех равнозвучным, поскольку каждые случайным образом составляли свои слова: отсюда разнообразие в характере языков, а первоначально возникшие объединения положили начало всем племенам»¹. Несмотря на наивность предположения, что люди сначала жили в одиночку и что затем, собравшись в стада, они установили сразу в каждом стаде множество названий для всех предметов, древнегреческие учёные всё же не только догадывались, что древнейшая человеческая речь была ещё грубой и нечленораздельной, но и ясно сознавали, что с самого начала у людей не могло быть одного языка. Кроме того, эти учёные уже понимали, что нельзя объяснять происхождение множества языков, не отвечая в то же время на вопрос, как начали люди говорить, откуда вообще появилась у людей человеческая речь и каким образом произошёл и развился сам человек из дикого животного состояния. Поэтому, прежде чем ответить на все эти вопросы, посмотрим, как объясняется происхождение языка различными учёными.

Около 200 лет тому назад французский философ-просветитель Руссо (1712—1778) думал, как в Диодор Сицилийский, что люди, договорившись между собою, сумели создать свои языки. Однако это мнение является неправильным, так как договориться для людей без языка и установить все слова без письма, конечно, было невозможно. Знаменитый английский экономист Адам Смит (1723—1790), написавший работу о происхождении языков, полагал, что люди могли изобрести свой язык. Однако и это объяснение нельзя признать удовлетворительным, так как, не умея говорить, люди, конечно, не могли сделать такого важного и трудного изобретения.

¹ См. Диодор Сицилийский, Историческая библиотека, I, 8. «Античные теории языка в стихах», 1936, стр. 33.

184034

За последние 100 лет многие учёные пытались ответить на вопрос, какова была речь древнейшего человека, с каких слов и выражений она началась. Одни построили звукоподражательную теорию, согласно которой язык начался с того, что человек подражал звукам окружающих его предметов и живых существ и каждое такое звукоподражание стало впоследствии названием отдельного животного или предмета. Так, по мнению этих учёных, создались слова человеческого языка. Однако в быту и природе, окружающих человека, есть много предметов и явлений, не производящих никаких звуков, но имеющих для людей самое важное значение (например пища, одежда, жилище и т. д.) или таких, звукам которых трудно или невозможно подражать (например огонь, многие орудия труда и т. д.). Самое подражание звукам предполагает уже очень развитую способность их произношения, чего ещё не могло быть у древнейшего человека. Известно, что человекообразная обезьяна легко подражает движениям, но не звукам человека. Следовательно, звукоподражательные слова, имеющиеся в языке человека (например кукушка, чибис, слова детского языка: гав-гав — лай собаки, муу — мычание коровы и т. д.), не древнейшего, а скорее вторичного, позднейшего происхождения и принадлежат к той эпохе, когда человек уже развил свои звукоподражательные способности.

Другие учёные, например Лукреций, английский философ Локк и др., предполагали, что древнейший человек выражал произвольными, естественно вырывавшимися у него звуками те чувства, настроения или впечатления, которые пробуждались в нём при первом взгляде на тот или иной окружающий предмет или явление. Впоследствии эти естественные выкрики сделались постоянными названиями соответственных явлений или предметов и стали словами языка. Однако, если бы зарождение языка шло по этому пути, все предметы, возбуждавшие в человеке страх (например хищные звери), должны были бы получить одинаковые или сходные наименования; то же случилось бы и с предметами, вызывающими радость, приятные переживания и т. д. Предположить, что древнейший первобытный человек уже имел настолько развитые тончайшие оттенки чувств, чтобы по-разному откликаться на каждое отдельное явление и положить, таким образом, начало различным словам-названиям для отдельных предметов, мы не можем. Эта теория не принимает во внимание того, что даже древнейшая речь человека

должна была уже выражать какие-то, хотя и простейшие, во подлинные мысли. Впрочем, обе вышеуказанные теории были высмеяны самими учёными и получили насмешливые названия: «теория гав-гав» (звукоподражательная) и «теория фу-фу» (теория произвольных выкриков).

С более основательными и серьёзными попытками объяснения происхождения речи выступили позднее Л. Нуаре и В. Вундт. Нуаре (1829—1889) правильно связал начало речи с совместной трудовой деятельностью древнейших людей и считал глаголы—названия действий—первыми появившимися в языке словами. Различный шум, слышимый во время работы, люди старались передать звуками первых слов—глаголов. Однако и Нуаре не удалось этим способом объяснить происхождение всего богатства речи и мысли у людей, и в конце концов он сам ссылается на разум, который лежит в основе развития человеческих слов и понятий, подробно поясняя, каким образом разум человека появился и вырос в процессе труда. В. Вундт (1832—1920) считал, что язык ручных движений (жестов) и звуковой язык развились одновременно и параллельно, но различным путём и для различных целей. Язык жестов передавал представление о предметах, а язык звуков—различные чувства людей. Сначала произвольные движения лица и рта, особенно языка, стали служить затем для образования членораздельных звуков речи. Эти движения Вундт назвал «звуковыми жестами». Сходство звуковых жестов у различных народов и племён сказывается в том, что некоторые одинаковые предметы, вызывавшие в людях одинаковые чувства, в совершенно различных языках имеют сходные по звуку названия: так, для названия матери во многих языках в различных концах земли употребляются одинаковые согласные «н», «м», как более «мягкие», а для понятия отца—согласные «т», «п» и другие, как более «твёрдые» (сравните «ан» «анá» — название матери на многих языках, в русском «няня», «мама», с одной стороны, и «ат, атá», русское «от-ец», «папа», «тятя» и др.—название отца; с другой). В конце концов, по Вундту, звуковой язык вытесняет язык жестов: «слово убило жест». Хотя многие наблюдения Вундта над изобразительной ролью звуков в различных наречиях и правильны, но во многих других языках они часто нарушаются, например, в грузинском языке «мама» значит «отец», а «дэда» — «мать», что и опровергает Вундта. Кроме того Вундт не в состоянии использовать язык животных для объяснения зарождения челове-

ской речи и не может решить вопроса о том, с чего же, собственно, началась человеческая речь, так как, по его мнению, звуковой язык возник вместе с человеческим сознанием, а человеческое сознание — вместе с языком. Таким образом, Вундт в конце своего труда уклоняется от прямого ответа на вопрос о происхождении человеческой речи.

Знаменитый советский учёный академик Николай Яковлевич Марр (1864—1934) на основе учения Маркса и Энгельса установил, что развитие речи у людей началось с того, что люди говорили на множестве языков и что в древнейшие времена человек уже употреблял звуки в соединении с ручной речью. Таким образом, великий советский языковед положил начало всем вышедшим научным объяснениям происхождения языка.

В последнее время были сделаны новые попытки объяснить происхождение речи. Английский учёный Р. Пэджет (1930) утверждает, что первоначально человек говорил жестами, движениями рук, к которым присоединялись сопровождающие движения органов речи (языка, губ и пр.). Лишь впоследствии, когда руки человека оказались постоянно занятыми трудовыми движениями (мастерством, охотой и т. д.), так что он не мог жестиковать ими, сопровождающие движения органов речи или, как говорит Пэджет, «гримасы» рта, озвученные путём продувания воздуха через рот, сделались основным средством выражения мысли. Эта теория правильно отмечает существование сопроводительных движений как органов речи, так и, добавим мы, движений головы и мускулатуры всего лица (мимика), которые обычно сопутствуют у детей и подростков всякому трудному для них делу обучения какому-нибудь ремеслу или искусству (например искусству письма). Однако вряд ли ручной труд начался так поздно, как это предполагает Пэджет.

В 1939 г. интересное объяснение происхождению речи дал известный голландский учёный Вил-Гиннекен. Сначала люди говорили движениями рук (жестами) и, подражая этим рабочим движениям, легко обозначали название той или иной работы. К движениям рук люди очень рано начали добавлять и звуки. Первые звуки развились из сосательных движений губ, языка и глотки, знакомых каждому ребёнку с младенческого возраста. Так появились в языке древнейшие пришёлкивающие звуки, и до сих пор звучащие в устах многих первобытных и развитых племён (бушменов, американских индейцев, кавказцев и др.). Первоначальный язык

состоял из одних сложных согласных звуков, гласные появились лишь впоследствии. Язык звуковой начался у людей очень поздно и уже в самом начале состоял из слов. Большое влияние на объяснение Ван-Гиннекена оказал советский учёный Марр. Никак нельзя согласиться лишь с утверждением Ван-Гиннекена, что звуковая речь появилась в Китае, Египте и в Междуречье лишь три с половиной тысячи лет назад.

Американский учёный Торндайк (1944) считает, что предок человека обладал с самого начала произвольными движениями органов речи, издававшими лепет, сопровождавший чувства и переживания человеческого предка даже в тех случаях, когда он находился среди природных условий один. Из этого произвольного лепета и звуков, путём закрепления за ними у отдельного человека определённых значений предметов или действий, могли возникнуть слова: затем эти слова были усвоены товарищами этого человека и, наконец, становились достоянием всей первобытной орды. Теория Торндайка подкреплена математически, и автор считает такое происхождение речи весьма вероятным. Хотя Торндайк и ошибается, предполагая, что речь могла возникнуть у одиночного человека, всё же его теория в целом интересна тем, что она представляет весь ход развития речи как вполне закономерный, естественный процесс, происшедший без вмешательства каких-либо сверхъестественных сил.

В XX веке библейская сказка о появлении у людей сначала одного, а позднее, по причине вавилонского столпотворения, и многих языков представляется настолько невероятной и бессмысленной, что некоторые представители церкви, как например известный языковед католический священник В. Шмидт, уже не ссылаются на Библию при решении вопроса о происхождении человеческой речи.

В своём сжатом очерке мы могли рассказать лишь о небольшой части тех многочисленных и самых разнообразных мнений о происхождении языка, которые появились в разных странах и в разные эпохи.

Чтобы распутать весь этот клубок мнений, необходимо сначала разрешить вопрос: есть ли язык у животных?

ГОВОРЯТ ЛИ ЖИВОТНЫЕ?

Девяносто девять человек из ста удивятся подобному вопросу. Девятьсот девяносто девять из тысячи ответят на него положительно. Кому не известен попугай, о котором Энгельс писал, что он не хуже берлинских торговцев умеет применять бранные слова? Кто не наблюдал, как к птичнице, созывающей восклицаниями «цып-цып-цып» своих кур, они сбегаются, с радостным кудахтаньем накидываясь на принесённый ею корм?

С незапамятных времён люди верили, что у зверей и птиц есть свой язык. Об этом повествуется в сказках всех народов. В них нередко человек, зная какой-нибудь «птичий» язык, подслушивает разговор двух птиц и благодаря этому избегает опасности, находит сокровища и т. д. Великий русский поэт А. С. Пушкин использовал это народное убеждение в своём известном стихотворении:

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?»
Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед...»¹

Как же решает этот вопрос наука? Такой выдающийся учёный, как Чарлз Дарвин (1809—1882), считал, что собака способна издавать звуки с различным значением: «Ещё замечательнее факт, что собака, со времени перехода в домашнее состояние, выучилась лаять по крайней мере на четыре или пять различных ладов... [дикие волки и лисы и даже приручённые собаки дикарей Австралии динго не лают, а лишь тьявкают]. У домашней собаки можно отличать лай нетерпения, как например во время охоты, лай злобы, пронзительный вой или лай отчаяния, когда например собака заперта; лай радости, когда она собирается идти гулять с хозяином, и весьма характерный лай требования или дросьбы, когда она хочет, чтобы ей отворили дверь или окно»².

Из тьяканья дикого предка собаки под влиянием человека получился лай домашней собаки, и различным лаем в домашнем состоянии она выражает свои чувства и желания.

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, 1935, стр. 62.

² Дарвин, Происхождение человека и подбор по отношению к полу, перевод с англ. под ред. Сеченова, т. I, Спб. 1873, стр. 37—38.

Как ни велики успехи собаки под влиянием общения с человеком, обезьяны, даже лишённые этого общения, превосходят собаку в способности издавать различные звуки. Об одной породе низших обезьян Дарвин пишет:

«В Парагвае обезьяна цебус азарэ [иначе называемая сапажу — широконосая, следовательно, низшая обезьяна] издаёт в припадке гнева по крайней мере шесть различных звуков, которые приводят других обезьян в подобное же настроенне духа»¹.

Одним из энтузиастов-любителей изучения «языка» обезьян был американец Гарнер. В зверинцах Соединённых Штатов, а затем в лесных дебрях Африки он наблюдал различные породы обезьян и пришёл к такому выводу:

«...Обезьяны вообще не ведут связанного разговора. Их речь обыкновенно ограничивается одиночными звуками или выкриками, которые повторяются одинаковым образом; предполагать же, что их разговоры разработаны или имеют высоко общественный характер, это значит утверждать безрассудное. В этом именно отношении люди ошибаются в понимании действительной природы речи обезьян и других животных»².

Другой американский наблюдатель жизни шимпанзе — Ниссен — (1931) открыл, что в природных условиях у них наблюдаются пять различных групп «криков»: 1) прерывистые, показывающие возбуждение, 2) крик страха и тревоги, 3) угрожающие, означающие гнев, 4) визжание, означающее неудачу, и 5) удовлетворённо-ворчащие крики.

Наиболее тщательно, правда в условиях неволи, крики шимпанзе изучили американцы Роберт Йеркс и Бланш Лирнед. Они нашли, что «У молодого шимпанзе звуковые реакции (отклики) часты и разнообразны, но речь в человеческом смысле у них отсутствует. Хотя эти животные имеют звуковоспроизводящие органы, которые, вероятно, способны действовать почти как у человека, но стремление их подражать звукам если и есть, то оно незначительно. «Чим» и «Панзи» [прозвища обезьян] подражали многим моим действиям, но я никогда не слышал, чтобы они подражали звуку, и редко слышал, чтобы они в ответ на мой звук специально издавали свой собственный. Кажется, что [их стремление к подражанию] контролируется главным образом зрительными возбудителями. Явлениями, которые они видят,

¹ Дарвин. Происхождение человека и подбор по отношению к полу. т. 1, Спб. 1873, стр. 37.

² Гарнер. Речь обезьян, 1892, стр. 45—46. (Проверено по англ. изд.)

они стремятся подражать или повторяют их. То, что они слышат, ими не повторяется»¹.

Лирнед составила перечень криков, издаваемых шимпанзе, назвав его «список слов или элементов речи». В этот «словарь» из трёхсот записей криков шимпанзе внесено 32 основных их типа, которые мы считаем возможным свести к 20. Чтобы читатель получил о них представление, приводим часть их:

Гак, Гахк, Гах, Кха	
Нгак, Нгхак, Нкак	— во время кормления.
Ко-ко, ку-ку	— усиленный шопот при возбуждении.
Гхо	— приветствие друзей (быстро повторяется).
Ках-хах, ках-ха-ха кух-кух	— смех.
М-м-м	— произносится с сомкнутыми губами, многозначен; во многих случаях произносится при кормлении фруктами.
Хо-ох	— тревога; продлённая гласная в первом слоге.
Эй (йи)	— боль (когда обезьяну кусает другая).
Хух	— очень тихо, при уходе в своё гнездо, и т. д.

Подобные же интереснейшие примеры «языка» шимпанзе приводит также русская исследовательница проф. Н. Н. Лодыгина-Котс в своём труде «Дитя шимпанзе и дитя человека» (1935). Из этого труда, как и из словаря американки Лирнед, видно, что крики у шимпанзе уже имеют гласные и согласные звуки, хотя они не так чётки, как человеческие, и колеблются, отклоняясь от одного постоянного образца. Это показывает, что звуки у шимпанзе ещё не отработаны, как в человеческом языке. Несмотря на это, целый ряд отдельных звуков напоминает человеческие, особенно согласные М, Г, К, Х и т. д. Некоторые из этих звуков, как например Г, НГ, К, безусловно произносятся спинкой языка. Это доказывает, что, хотя обезьянья нижняя челюсть и лишена подбородка (подбородочного выступа), это не служит помехой к участию языка в образовании звуков. Кроме язы-

¹ Р. Иеркс и Б. Лирнед, Понятливость шимпанзе и их звуковые выражения (на англ. яз.), 1925, стр. 53.

ка, звуки у шимпанзе образуются также губами (М) и гортанью (гортанное Х). Что касается значений криков в целом, то они очень далеки ещё от значений человеческих слов и предложений. Они ещё чисто животные, так как выражают те или иные чувства или желания.

В то же время они непохожи на произвольные крики, вырывающиеся независимо от воли в припадке сильного чувства (аффекта). В этом отношении они выше звуков собаки и других низших животных.

Дарвин, как видно из его работы «О выражении душевных движений у человека и животных», раскрыл в ряде случаев сходство мимики (выражения лица) у человека, с одной стороны, и у животных, особенно у обезьян, с другой. У таких животных, как кошка и собака, хотя они и домашние, мы не находим ещё чего-либо похожего на изменения выражения человеческого лица, т. е. мимики. Но у обезьян, даже низших, например у павианов, несмотря на некоторое сходство их морды с собачьей, уже есть нечто, напоминающее человеческое выражение лица. От удовольствия павиан «смеётся», вполне оправдывая русское народное выражение «скалит зубы от радости». Нечто подобное наблюдается и у высших, т. е. человекообразных, обезьян. Дарвин сообщает: «Если шекотать молодого шимпанзе (они особенно чувствительны к шекотанию подмышками, как и наши дети), то он издаёт... звук, похожий на хихиканье или смех; впрочем, смех иногда бывает беззвучен... Молодые орангутанги, когда их шекочут, тоже осклабляются и издают звук, похожий на хихиканье... Когда они перестают смеяться, можно заметить, что по их лицу пробегает выражение, которое... можно назвать улыбкою. Я тоже заметил нечто подобное у шимпанзе»¹. С другой стороны, по словам Дарвина, некоторые обезьяны, не близко родственные человеку, плачут²... По наблюдению Гарнера, «произносимые [маленькой чёрной обезьяной] звуки были порою жалобны, а рассказ, передаваемый ею, должен был быть полон глубочайшего горя... Во время этих речей я наблюдал маленькие слёзы в углах её глаз, показывавшие, что она должна была сама чувствовать то, что её речь стремилась передать. Эти маленькие существа не проливают слёз в таком изобилии, как люди, но это — подлинные слёзы, и они, без сомнения, являются результатом тех же самых причин, какие вводят в слёзы и лю-

¹ Дарвин, Собр. соч., т. III, 1908, стр. 77.

² См. там же, стр. 209.

дей. Опыт дал мне право заключить, что эти звуки вызывают к нашим лучшим чувствам. Что заключается в самом этом звуке, я не могу сказать, но они затрагивают известную струну в человеческом сердце, которое даёт ответный отклик»¹.

О том же, о чём говорит Гарнер, раньше сказал Дарвин: «Мы понимаем движения лица и жесты обезьян, и они до некоторой степени понимают наши...»².

Для выражения своих чувств и желаний обезьяны употребляют ряд телодвижений и действий, весьма напоминающих человеческие. Так, шимпанзе «зовёт» человека, бросая по направлению к нему мелкие камешки и другие предметы, или просто тащит его за руку, куда ей нужно. Та же шимпанзе выражает своё дружеское расположение прижатием чужой руки к своему паху и дружеским похлопыванием по ней. Подобно человеку, обезьяна «просит» умоляющими звуками, «грозит» криком, стуком и топотом. О том же говорил Гарнер: «Можно принять за правило, что каждое движение обезьяны сопровождается известным звуком, и каждый звук — известным движением, которое у другой обезьяны того же вида всегда обозначает нечто определённое. Их язык является чисто звуковым, и так как эти звуки сопровождаются, как правило, знаками, то я думаю, они вполне способны обойтись скорее одними звуками, чем одними знаками»³.

Оценивая все эти наблюдения и отдавая должное добросовестности наблюдателей, мы считаем своим долгом указать на следующее обстоятельство: с одной стороны, наблюдателям было свойственно уподоблять обезьян человеку, а с другой стороны, наблюдения производились над обезьянами, в большинстве случаев с малых лет оказавшимися в неволе и подпавшими под сильное влияние людей. Поэтому далеко не всё, о чём сообщают нам наблюдатели, свойственно взрослым обезьянам, живущим на свободе. Однако, если даже и признать, что многое усвоено обезьянами от человека, то всё же нельзя отрицать наличия у обезьян способности испытывать и выражать (звуками, мимикой, телодвижениями и музыкой голоса) свои желания и чувства так, что они близки и понятны для человека. Но следует ли из этого, что животные действительно говорят?

«Образование языков, — почти столетие назад писал в своей

¹ Гарнер, Речь обезьян, 1892, стр. 65—67. (Проверено по англ. изд.)

² Дарвин, Происхождение человека... т. I. 1873, стр. 37. По Ренгеру.

³ Гарнер, Речь обезьян, стр. 69—70. (Проверено по англ. изд.)

«Исторической грамматике русского языка» знаменитый русский академик Фёдор Иванович Буслаев (1818—1897), — сокрыто от нас в глубине веков, предшествовавших появлению народов на историческом поприще... Из истории всякого языка убеждаемся, что первоначальная форма, в которой выразился дар слова, есть уже целое предложение, что совершенно согласно с существенным назначением дара слова — передавать мысли членораздельными звуками; ибо только в целом предложении мысль может быть выражена» (стр. 1). Под «даром слова» Буслаев и понимает способность человеческой речи. Эта речь выражает не только чувства и желания, но одновременно и мысли. Язык — это и есть мысль, воплощённая в звуках. Благодаря этому воплощению мысль становится доступной для людей, для всего общества. Только в языке мысль получает свою полную и подлинную жизнь. Недаром Маркс и Энгельс говорят: «Непосредственная действительность мысли, это — язык»¹. Но мысль не существует сама по себе. Её носителем и творцом является человек. Однако могут ли мыслить животные, и если да, то в состоянии ли они воплотить свои мысли в звуки, иначе выражаясь, говорить?

Великий английский естествоиспытатель Чарлз Дарвин доказал, что человек происходит от животных, а именно от ископаемой обезьяны, а Фридрих Энгельс (1820—1895) установил, что «Мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека». По предположению Энгельса, предком людей была жившая где-то в жарком поясе «необычайно высокоразвитая порода человекоподобных обезьян»².

При жизни Дарвина и Энгельса не было открыто ещё костей подобной обезьяны. Но за последние четверть века английским учёным удалось найти в Южной Африке ископаемые кости нескольких пород человекообразных обезьян, которые стоят ближе к человеку, чем горилла и шимпанзе, обитающие ныне в джунглях тропической Африки. Этим вновь найденным ископаемым обезьянам дано название австралопитеков, т. е. «южных обезьян». Установлено, что австралопитеки жили не на деревьях и, повидимому, передвигались по земле выпрямившись, на ногах, сделав этим «решительный шаг к переходу от обезьяны к человеку». Этот переход совершился лишь тогда, когда наши предки стали изобретать орудия для облегчения своего труда. «Ни одна обезья-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 434.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 452.

янья рука,— пишет Энгельс,— не изготовила когда-либо хоть бы самого грубого каменного ножа»¹. Следовательно, ни одна обезьяна никогда не изготовила ни одного орудия. Ни одна обезьяна также не зажигает огня и боится его, как и все остальные животные. Поэтому ещё великий американец Вениамин Франклин (1706—1790) назвал человека «животным, делающим орудия».

Но предок человека стал делать орудия не в одиночку. Наши предки были общественными животными. Известно, что Маркс называл человека не только животным, делающим орудия, но и «общественным животным». Совместный труд древнейших людей развивал не одни их руки, но также их мозг, а следовательно, и их способность мыслить. Как раз во время труда этим людям необходимо было начать «работать» и головою — то-есть думать, соображать.

В процессе труда люди должны были почувствовать и потребность говорить друг с другом, чтобы согласовывать свои совместные трудовые усилия, а не мешать друг другу. Так люди отделились от человекообразных обезьян.

Правда, современная наука установила, что обезьяны употребляют попавшиеся им под руку камни, ветки, плоды и пр. наподобие орудий или оружия (например, камни для раскалывания орехов, или, как обезьяны в Африке, огромные камни для скатывания их с гор на врагов и т. д.). Однако, так как обезьяны не изготовляют сами орудий, то им не свойствен настоящий труд. Именно труд и отличает даже древнейшее стадо людей от стаи обезьян. Только людям свойственно общество.

Но отличается ли человек от обезьяны ещё и мышлением и речью? Во всех современных человеческих обществах, господствуя благодаря труду над природой, люди могут мыслить и говорить не только о том, что они в данную минуту видят и слышат вокруг себя, но и об отдалённом и отсутствующем. Они в состоянии думать и говорить как о настоящем, так и о прошлом и будущем. Человек способен мечтать я о том, чего нет в действительности. Таким самостоятельным разумом человекообразные обезьяны, наиболее умные из животных, ещё не обладают. Хотя временами они и поступают умно, проявляя находчивость и сообразительность, но всё-таки их нельзя считать животными, имеющими разум. Разумом обладает только человек, притом не только современный, но и самый древний и первобытный.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 453.

Наблюдения над нынешними человекообразными обезьянами показывают, что у них есть способность издавать различные крики, которые состоят из звуков, весьма похожих на человеческие. Они могут произносить их как полным голосом, так и шепотом, повышая и понижая тон своего голоса на манер человека. Один французский генерал даже сообщает, что низшая американская обезьяна сапажу производит щёлкающий звук, сходный с прищёлкиванием языком, которое слышно в речи древнейших из ныне живущих южно-африканских племён — бушменов и готтентотов. Однако обезьяны не произносят слов, не могут вести между собой настоящего разговора, как люди, не задают вопросов и не могут на них отвечать.

Как ни пытался американец Иеркс вызвать свою обезьяну шимпанзе на прямое и добровольное подражание звукам, даже самым простым слогам («ба, ба», «ко, ко», «на, на»), заманивая её соблазном получить за это фрукты, его усилия, повторявшиеся много раз в течение нескольких недель, были напрасны, хотя он и отмечает, что во время одного такого опыта обезьяна стала шевелить губами и даже пробовала издать какой-то звук. Однако она так и не заговорила. Этим обезьяна отличается от попуая, который очень быстро переразвивает те же слог.

Опыты Иеркса вовсе не доказывают, что высшие обезьяны лишены способности произносить слоги человеческой речи. После многомесячной дрессировки этого можно от них добиться. Некто Фернесс успешно обучил оранга произносить слово «папа», но лишь после шестимесечных усилий. По предположению этого учёного, у обезьяны появилось даже неясное представление о смысле этих звуков, которыми её приучили называть своего хозяина. Другие учёные, супруги Келлог, добились от своих шимпанзе лишь простого произнесения слогов «па-па». В согласии с Иерксом, а также с Ревесом (из Амстердама), мы должны признать, что обезьяны, даже человекообразные, не говорят, не владеют членораздельной речью.

«Исследование звуковых выражений различных видов животных,— пишет Ревес,— в отношении функции [роли], структуры [строения] и фонетического [звукового] характера звуков животных доказывает, что не может быть речи о каком бы то ни было языке животных... Что касается языка жестов [движений] у животных, то животные не могут пронаводить жестов независимо от того, имеют они руки или

нет»¹. У животных действительно нет языка в том смысле, как он существует у человека, но, как мы видели выше, у некоторых из них, а именно у человекообразных обезьян, есть уже все данные для того, чтобы при переходе к труду, к постоянному изготовлению и использованию орудий и развитию на этой основе общества они заговорили. Уже Гарнер предполагал, что «эти создания (т. е. обезьяны) сейчас находятся в таких условиях, какие человек некогда прошёл в ходе своего развития.

Мы находим в них зародыши, из которых могли бы легко развиться все способности, которыми владеет человек, включая мысль, рассудок, речь и нравственные и общественные черты человека. Словом, они, как кажется, имеют по крайней мере сырой материал, из которого произошли наиболее возвышенные признаки человека...»²

В частности, замечательно сходство строения органов речи и уха у человека и человекоподобных обезьян. Устройство полости рта и носа, даже размеры и меньшее развитие борозд на твёрдом нёбе, а также количество зубов у обезьяны шимпанзе близки к устройству этих же органов у человека. Устройство дыхательного горла, голосовых связок, надгортанника, т. е. клапана, закрывающего проход в дыхательное горло при глотании пищи, у шимпанзе весьма сходны с теми же органами человека. Мягкое нёбо у шимпанзе, повидимому, имеет суженный конец, напоминающий «язычок», который виден в зеркале в открытой полости рта у человека. Сходство наружных частей уха (ушной раковины) у человека и шимпанзе заставляет предполагать, что слух, как и способность различать музыкальные тона и шумы, у того и другого так же сходны, как и способности обоих к образованию голоса и его повышению и понижению. Другая человекообразная обезьяна, живущая на Зондских островах, — гиббон — отличается даже способностью «петь», т. е., крича громким голосом, пробегать всю музыкальную октаву. Всё это говорит о том, что, не имея ещё настоящей речи, человекообразные обезьяны представляют собою готовый сырой материал для развития из них «говорящего человека», что они уже имеют все возможности и скрытые способности, которые с развитием совместного труда могут превратить шумную, крикливую обезьянью стаю, правда, не сразу, а на протяжении сотен тысячелетий, в настоящее человеческое общество с подлинным языком.

¹ Американский «Журнал общей психологии», апрель 1944 г., стр. 148

² Гарнер, Речь обезьян, стр. 33. (Проверено по англ. изд.)

КАК ЛЮДИ СТАЛИ ГОВОРИТЬ?

В 1866 г. немецкий естествоиспытатель Эрнст Геккель (1834—1919) предположил, что между человеком и обезьяной должно было появиться переходное от обезьяны к человеку существо, которое он назвал «безмолвный человек» (гомо алялюс). За ним, по Геккелю, следовал более развитой «глупый человек» (гомо стүпидус) и, наконец, «разумный человек» (гомо сапиенс). В 1894 г. голландец Евгений Дюбуа открыл на острове Яве ископаемого обезьяно-человека (или питекантропа). Геккель и этого уже открытого, а не предполагаемого человека назвал «безмолвным обезьяно-человеком» (питекантропус алялюс).

В 1944 г. английский учёный Т. Риккард высказал предположение, что «единственная способность, которая отделяет полностью человека от диких животных, есть язык... Наш вид (т. е. человеческий род) я предлагаю назвать говорящим человеком (гомо локвенс)». Обосновывая своё предположение, Риккард ссылается на славного сподвижника Дарвина— Томаса Гексли, который утверждал: «Человек по природе и по строению едина с животными... Он один обладает чудесной способностью общепонятной и разумной речи».

Прав ли полностью Риккард, видя в речи основное отличие человека от животных?

Бесспорно, что истории неизвестны народы, которые не имели бы звуковой речи. Самые ранние европейские путешественники, первыми побывавшие в Америке, Австралии, на островах Тихого океана и т. д., нигде не нашли «безмолвных людей». Наоборот, наиболее отсталые из открытых ими диких народов (тасманийцы и австралийцы) обладали племенными языками, которые, как показало дальнейшее изучение, уже весьма сложны по строю, богаты словами и звуками. Однако все они принадлежат уже к третьей, самой поздней и совершенной ступени в развитии человека—к эпохе разумного или «нового человека».

Мы видели, что труд отличает человека от животных. И на самой древней ступени развития людей, как показали недавние открытия в Китае, в окрестностях Бэйпина, первоначальные люди (их называли синантропы, т. е. «китайские люди») уже разводили огонь и выделывали каменные орудия; они жили не в одиночку, а первобытными стадами. Одиноким первоначальным человеком был слишком бессилён в борьбе с природой, чтобы обеспечить своё существование, он не

мог жить иначе как стадом. Совместный труд, взаимная помощь и выручка в борьбе с природой сплачивали первоначальных людей теснее и крепче, чем их предков в обезьяньих стаях. Если современные обезьяны стаи поражают учёных, их наблюдавших, своей шумливостью, то кажется невероятным, чтобы древнейшие человеческие общества были безмолвными. Жалкие деревянные и каменные орудия, недостаточное развитие мозга требовали от первоначальных людей большого физического и умственного напряжения при выполнении даже самых простых работ (изготовление орудий из дерева и камня, добывание и хранение огня, собиранье диких растений, ловля животных, оборона от хищных зверей и т. п.). В ходе такой работы и только во время неё понадобилось взаимно сообщать друг другу звуками не только свои чувства и стремления, но и простейшие мысли для согласования своих усилий в общем труде. В такие моменты первоначальные люди и начали говорить, применяя по-новому ту способность издавать звуки, которую они получили в наследство от своих предков — обезьян. «Коротко говоря, — говорит Энгельс, — формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе орган: неразвитая глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно, постепенным усилением модуляций, и органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим»¹.

Крупнейшие учёные издавна интересовались вопросом, что представляла собой древнейшая человеческая речь.

Великий русский учёный Ломоносов (1711—1765) писал об этом:

«Правда, что кроме слова нашего можно бы мысли изображать было чрез разные движения очей, лица, рук и прочих частей тела, как то пантомимы на театрах представляют, однако таким образом без света было бы говорить невозможно, и другие упражнения человеческие, особливо дела рук наших, великим были б помешательством такому разговору, не упоминая других непристойностей»².

Дарвин — того же мнения:

«Почему органы, служащие в настоящее время для образования речи, развились именно для этой цели, решить не трудно... Мы также могли бы иметь в пальцах весьма целе-

¹ Мавкс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 455.

² Ломоносов, Избранные философские сочинения, М. 1940, стр. 266.
«Российская грамматика», 1755, гл. 1, § 2.

Сообразные органы [для разговора]: но лишение руки, занятой таким образом, было бы для нас большим неудобством. Так как все высшие млекопитающие обладают голосовыми органами, устроенными по тому же общему плану, как наши, и служащими им средством для сообщения между собою, то весьма понятно, что при дальнейшем развитии способности сообщения эти органы должны были развиваться по преимуществу; такое усовершенствование было достигнуто с помощью соседних, приспособленных к этому частей, именно языка и губ»¹.

Так как руки древнейшего человека во время работы были заняты, а речь как сообщение мыслей нужна была именно в эти моменты, то первоначальные люди, естественно, должны были воспользоваться для взаимного общения теми органами, которые могли двигаться без помехи движению рук. Глаза при работе обычно тоже бывают заняты. Криками же можно обмениваться, не глядя друг на друга и, следовательно, не отрывая глаз от работы. Такими достаточно уже развитыми органами и оказались органы речи. Они легко увязываются как с работой рук, так и с работой мозга. Кроме того, они расположены весьма удобно вблизи головного мозга и важнейших органов внешних чувств — глаза и уха. Поле зрения глаза пространственно уже, чем охват пространства слухом. Глаза способны воспринять гораздо более разнообразные и богатые зрительные образы, чем сами руки в состоянии их произвести, движения рук (жесты) для этого слишком однообразны и бедны. Уши же получают от органов речи более полную нагрузку. Энгельс недаром отмечал, что «постепенное развитие языка [конечно звукового] неизменно сопровождается соответствующим уточнением органа слуха»². Обычно считается, что звуковая речь начинается с отдельных звуков. Однако такое ходячее мнение исторически неправильно. Академик Буслаев пишет: «Мы не имеем никаких исторических свидетельств, на которых могли бы основать предположение о том, что люди сначала пользовались только отдельными членораздельными звуками, потом сложили их в слоги, а слоги в слова, и наконец связали слова в стройное целое для выражения мысли. Напротив того, из истории всякого языка убеждаемся, что первоначальная форма, в которой выразился дар слова, есть уже целое *предложение*: что совершенно согласно с существенным назна-

¹ Дарвин, Происхождение человека... т. I, стр. 41.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 456.

членом дара слова — передавать мысли членораздельными звуками; ибо только в целом предложении мысль может быть выражена»¹.

Почтенный создатель первого труда по истории русского языка не ставил своей целью выяснять происхождение человеческой речи, но с его мнением о первичности предложения нельзя не согласиться. Сомнение может вызвать лишь его утверждение о членораздельности древнейшей человеческой речи. Человек начал говорить предложениями, но были ли они членораздельны? Здесь следует вспомнить, что Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» говорил о «выработке членораздельной речи» как высшем достижении низшей ступени дикости.

Древнейшая человеческая речь зазвучала в первобытных стадах древнейших людей более полумиллиона лет назад. Однако и в современных живых языках, если присмотреться к ним повнимательнее, встречаются любопытные остатки каких-то древних звукопредложений, которые не похожи на обычную человеческую речь.

Язык обезьяноподобного предка человека, выразивший с помощью двух-трёх десятков выкриков различные чувства и сигналы (предостережение, опасность, гнев, удовольствие, чувство голода, жажды и т. д.), только после возникновения труда превратился в настоящую, хотя и первобытную человеческую речь. Эта речь имела то общее с «языком» обезьяны, что тоже состояла из нескольких десятков выкриков, каждый из которых представлял собою ещё единый, нераздельный звукослог или повторение его. Гласные и согласные хотя и намечались в качестве элементов (составных частей) таких криков, но не выделились ещё как самостоятельные, свободно и в любом порядке сочетаемые звуки (фонемы), какие мы слышим в нашей речи. Однако уже каждый такой выкрик-слог мог в речи первобытного человека сочетаться с другими такими же выкриками-слогами и по значению равнялся целому нашему предложению. Первобытный, впервые появившийся на самой заре человечества язык был, таким образом, языком звукопредложений, языком, состоявшим из отдельных выкриков-звуков; каждый такой выкрик-звук имел значение целого, законченного сообщения, целого «предложения» и не делился внутри себя на отдельные «членораздельные» звуки, на какие делится

¹ Ф. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, М. 1875, ч. I, стр. I.

иаш современный язык. Так, например, такие звукослоги в русском языке, как «да», «не» (в народных говорах в значении «нет»), «на!» (возьми), «ну!», «эй!» (окрик человеку) и прочие, обозначают целые предложения. Это и есть слоги-предложения, к которым в живой речи часто не требуется добавления других слов. В реальной обстановке, в ходе разговора, они бывают понятны и без всяких добавлений, однако в современном русском языке эти слоги-предложения уже членораздельны: они ясно делятся на согласные и гласные звуки (д + а = да, н + е = не, н + а = на, н + у = ну, э + й = эй) благодаря тому, что во всех остальных русских словах мы замечаем и выделяем эти же гласные и согласные, сочетающиеся друг с другом в любом порядке. Наряду с ними в живом русском языке сохраняется некоторое количество и таких звуков, которые трудно или совсем нельзя изобразить буквами и которые всё же имеют значение человеческой речи; одним или немногими звуками в них изображаются целые простейшие предложения, т. е. отдельные мысли-сообщения. Сюда в русском языке относятся: «мышмы» — произносится с закрытым ртом — в значении «да»; «мык» (произносится тоже с закрытым ртом) — в значении «нет»; «мм?» (произносится так же) — в значении вопроса «что?» (сравни русское выражение «Что ты хмыкаешь?» — о человеке, отвечающем с закрытым ртом). От них отличаются сообщения, легко изображаемые буквами: «А?» — в значении отклика на зов, «Ссс!» — в значении оклика в спину идущему по улице: «Цсс!» — в значении «молчание!». Все эти звуки имеют значение целых сообщений, отдельных предложений, понятных и без добавления слов, хотя они часто не имеют совсем гласных или состоят из одного-двух звуков.

Ещё курьёзнее звуки прищёлкивания языком, которые у нас употребляются в обращениях матерей или нянек к грудным детям, например «нц!-нц!-нц!» (прищёлкивание кончиком языка) — в значении «развеселись!», «улыбнись!» и т. п. Этот же звук участвует в предложении «нц!-ааа... нц!-ааа...» — при подаче ребёнку постарше пищи, в значении как бы «ах, как вкусно!», «попробуй, как вкусно!» Этот же звук прищёлкивания иногда употребляется нянянками и в слове в качестве согласного звука, например вместо «нянка» при обращении к ребёнку, который уже начал говорить, что значит «вкусно, вкусная вещь, вообще хорошая вещь», говорят также «нц!яка», прищёлкивая языком в начале этого слова.

Те же звуки пришёлкивания языком приобрели на Кавказе международный характер. Так, пришёлкивание кончиком языка один раз: «нц!» обозначает «нет», а повторённое несколько раз с постепенным ослаблением звука к концу: «нц!.. нц!.. нц!.. нц!..» выражает сожаление или горестное удивление или просто удивление. В соответствии русскому «ммы-хмы», произносимому с закрытым ртом в значении «да», на Кавказе, например в Кабарде, говорят с полуоткрытым ртом «ы-ы(н)» в значении такого же «да». В русской речи говорят «ага» в значении «да», а также «ага!..» в значении вообще удовлетворения или злорадства по поводу чужой неудачи.

Таковы же некоторые из обращений человека к животным. Так, кучера останавливают лошадей звуком-предложением «тпру!», что обозначает «стой!». Хотя мы пишем данный звук как целый слог с гласным «у», но это написание условно и неточно. На самом деле в произношении здесь слышится единый согласный звук — дрожание губ, — без всякого следа гласного составляющий целый слог. Лучшее всего его можно было бы сравнить со звуком «р», произносимым без голоса одними губами. Почти такой же звук имеется в абхазском языке, где он служит обычным звуком речи (фонемой) и сочетается в словах с другими гласными и согласными звуками, например: «утпры» по-абхазски значит «насыщайся, наполняйся». Понукая плохо идущих лошадей, русские кучера употребляют особый свистящий звук, получающийся от втягивания воздуха плотно сжатыми губами, что условно можно было бы изобразить так: «мсссс!.. мсссс!» — это означает «быстрее, прибавь шагу» (припугивание лошадей). В Средней Азии быков останавливают лёгким пощёлкиванием боками языка: «кл!-кл!-кл!» и т. д. Интересно, что последние два звука наблюдаются уже у некоторых пород обезьян, например, первый как крик смертельной опасности у обезьян породы салажу (из рода цебус) из Южной Америки.

Наконец, в русском языке употребляется звук причмокивания губами, например в выражении: «Мц! пальчики оближешь!» для обозначения тоже чего-нибудь вкусного, лакомого. На Кавказе этот звук, повторённый несколько раз употребляется при пестовании ещё не говорящего ребёнка.

Итак, в каждом языке можно насчитать по несколько таких на первый взгляд смешных, странных, даже диких звуков-предложений, которые, однако, упорно держатся в ещё весьма ограниченном или в каком-либо специальном употре-

блени (у няnek, кучеров и т. д.). Однако именно этот необычный их характер как раз и служит лучшим доказательством их древности. В современной речи они — какие-то витерянные, нелепые, почти звериные, почти нечленораздельные, как бы окаменелые-отпечатки чуждой нам речи, недоступные никакому письму, следовательно, они возникли задолго до букв нашего алфавита и самостоятельных звуков — фонем — нашего языка. Доказательством их древности служит также международный характер некоторых из них. Так, пришёлкивание языком на Кавказе в значении «нет» или (при повторении) для выражения горестного изумления распространено всюду в одном и том же значении. Независимо от границ местных языков и народов. Кроме того, многие из таких звуков-сообщений имеют по несколько значений, которые незаметно переходят друг в друга путём простого изменения интонации (повышения или понижения тона) (ср. «ага» — «ага!..») или путём повторения того же звука (ср. «нц!.. нц!.. нц!.. нц!..» на Кавказе). Эта расплывчатость, множественность значений, многозначимость одного и того же звука также являются признаком глубокой древности их. Наконец, звуки этого рода часто обязательно связаны и с движениями-жестами, показыванием предметов например «нц!-ааа... нц!-ааа...» сопровождается показыванием младенцу чего-нибудь вкусного в руке, а «нц!» в значении «нет» на Кавказе — движением головы в сторону. Слитность звука с движением, так называемый синкретизм, является тоже признаком глубокой древности. Трудно, конечно, сказать, от какой именно эпохи сохранились эти звуки в нашем языке. Но несомненно, что они сохранили более древний облик, чем наши междометия, выражающие чувства (ах!, ой!, увы!, фу! и т. д.), или звукоподражания (трах тарарах!, скурлы-скурлы!, звяк!, дзинь!, хлюп!, чмок!, хмык!, кукареку!, ку-ку! и т. д.). Последние вполне литературны, часто употребляются в художественных произведениях и потому давно утратили свои древние звуки и не вызывают трудностей при изображении их на письме. Между тем само удивительное произношение вышесказанных звуков-предложений ещё может быть найдено у наиболее древних и первобытных обитателей земли: например, у племён бушменов и готтентотов, живущих в Южной Африке, как раз в обычной речи и встречается звук «нц!» (пришёлкивание языком), и притом не в одной, но в нескольких разновидностях (кончиком языка, серединой спинки языка, боком языка и т. д.).

Для бушмена пришёлкивание языком — такой же естественный и обычный звук человеческой речи, как для нас «н» или «ц». Бушмен в своих словах соединяет шёлкание языком с любыми другими звуками речи (сравни наше: нц!яка). Кроме этих двух языков — бушменского и готтентотского, — данные звуки в словах больше ни в одном языке на земном шаре не встречаются.

Теперь по этим редким, но ещё сохранившимся в нашей речи остаткам мы можем составить себе довольно ясное представление о той первобытной речи, на которой начали говорить наши человеческие предки, когда они стали благодаря труду и изготовлению орудий превращаться в разумных людей. До этого, будучи животными, сходными с человекообразными обезьянами, они уже умели издавать несколько десятков разнообразных криков и звуков, выражавших их чувства. Эти крики, однако, не представляли собой настоящих предложений, хотя значение их по временам и приближалось к значению наших предложений, таких, как: «есть!», «пить!», но выпаженных ещё цельными, нечленораздельными криками. Человек, развивая свои руки и свой мозг в процессе совместного тяжёлого первобытного труда, начал говорить для того, чтобы облегчить свою работу. Естественно, что он использовал для этой речи животные крики своих предков, но придал им совсем иное, человеческое значение. Каждый отдельный крик, ещё такой, в котором не было ни гласных, ни согласных звуков, а слышался один неделимый слог, человек наполнил новым смыслом, необходимым ему для разговора, и превратил его в звук-предложение. В языке такого человека ещё не было слов. Человеческая речь началась с криков-сообщений, она началась с цельных предложений. Следовательно, в развитии речи предложение появляется раньше слова. Люди начали свою речь с животных криков и звуков, но вложили в них человеческую мысль. Так, из животного звука получился звук-предложение и возникла человеческая речь. Правда, в самом начале эти звуки напоминали ещё звёриные, обезьяньи, как это мы находим и сейчас в пережитках таких звуков в теперешней речи, но по вложенному в эти звуки значению мы имеем здесь уже настоящие звуко-мысли, настоящие предложения. Кроме того, в ходе труда и связанного с ним разговора люди постепенно научились говорить не отдельными отрывочными звуками, как выражают свои переживания обезьяны, но связной речью. Они стали выражать свои мысли несколькими звуками-предложениями, развивающими и дополняющими ту же

мысль, а затем и сочетание мыслей: «Так как предложение образовалось в разговоре между лицами, а разговор состоит во взаимном сообщении и подробном изложении мыслей, то сочетание мыслей должно было выразиться в языке сочетанием предложений. Ряд соединённых предложений называется *речью*»¹. Так появилась у людей членораздельная речь, состоящая из нескольких звуков-предложений, соединённых в одно высказывание.

Начало появления человеческой речи на первых порах, как мы видели, ещё нечленораздельной, относится ко временам первоначальных людей. По мере того как труд становился необходимым условием жизни наших предков, первоначальные люди должны были, размножаясь, расселиться по обширной области, благоприятной для их жизни. Они вели бродячий образ жизни, потому что питались преимущественно дикими растениями, мелкими животными, насекомыми, птичьими яйцами и т. д. Область изначального поселения первоначальных людей, расположенная в тропиках, должна была изобиловать этими естественными богатствами. Каждое стадо первых обезьяно-людей насчитывало не больше двух-трёх десятков особей. Язык на основе труда развивался самостоятельно в каждом таком крохотном стаде. В каждом таком стадном языке едва ли могло быть больше сотни одиночных звуков-предложений.

Так люди начали говорить.

В

ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НИКОГДА НЕ ГОВОРИЛО ТОЛЬКО НА ОДНОМ ЯЗЫКЕ?

В наши дни нам часто бросается в глаза, что имеются языки, очень похожие друг на друга. Когда, например, русские (великоруссы) слышат украинскую или белорусскую речь, то они понимают её, улавливая общий смысл разговора. Когда мы слышим разговор на польском, болгарском, сербском, чешском языках, то понимать эту речь труднее. Однако мы сразу различаем и в этом случае отдельные слова, похожие на русские. Отсюда следует, что существуют языки (в данном случае славянские), между которыми имеется то большее, то меньшее сходство. Подобное же

¹ Ф. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Москва 1878, ч. 1, § 1, стр. 2.

сходство наблюдается и между такими современными языками, как французский, итальянский, испанский, португальский и др. Эти языки называются романскими.

Из подобных сходств языков многие учёные делали вывод, что такие группы сходных языков будто бы происходят от недошедших до нас предполагаемых «праязыков», т. е. языков-прародителей (праславянского, прароманского и т. д.), подобно тому как сыновья и внуки происходят от одних родителей. Этот вывод не всегда оправдывается на фактах. Так, английский язык, причисляемый к германской ветви, представляет собой совершенно самостоятельный и самобытный продукт истории. По подсчёту толкового стандартного словаря английского языка 1915 г., в нём на 20 000 слов приходится всего 5 000 слов из германских языков, около 10 000 романских и латинских слов и около 2 500 греческих, проникших через романские и латинский языки, а остальные слова — разнообразного восточного и западного происхождения. Такое же явление наблюдается и в румынском языке, в особенности же в молдавском, в которых до 50 процентов слов славянского происхождения.

Некоторые учёные, как например итальянский лингвист Тромбетти, совершенно неправильно считали, что все языки на свете будто бы произошли, в конечном счёте, от единого и единственного человеческого праязыка.

Беликое дело сделал крупнейший советский лингвист Н. Я. Марр, ополчившись против этой «вавилонской башни языков». Он словно имел в виду Тромбетти, когда писал, что «...единый язык в прошлом — это фикция»¹ [т. е. выдумка]. «...Зарождение, рост и дальнейшее или конечное достижение человеческой речи, — писал Марр, — можно изобразить в виде пирамиды, стоящей на основании»². Согласно мнению Н. Я. Марра, пирамиду языков многие исследователи (Бопп, Шлейхер, Бургман и др.) пытались ставить на вершину в тех случаях, когда допускали единый праязык. Сам он перевернул пирамиду, поставив её на основание. Тогда оказалось, что «От широкого основания, именно праязычного состояния, в виде многочисленных моллюскообразных зародышей-языков [т. е. стадных языков], человеческая речь стремится... к вершине...»³.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс пишут: «...В любом современном развитом языке стихийно-возникшая

¹ Н. Я. Марр, Избранные сочинения, т. I, Л., 1933, стр. 285.

² Н. Я. Марр, Избранные сочинения, т. III, Л., 1934, стр. 31.

³ Там же.

речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском, отчасти благодаря концентрации [сосредоточению вокруг единого центра] диалектов [наречий] в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией»¹.

На примере романских языков можно как раз прекрасно видеть, как происходит объединение большого количества более разрозненных и мелких племенных языков и наречий, принадлежащих к совершенно различным языковым группам, в значительно меньшее количество более однородных и близких друг к другу языков одной и той же романской ветви.

Так, из истории известно, что на всём пространстве, которое впоследствии попало под власть древнего Рима, а теперь заселено романскими народами, существовали многие десятки небольших племён, принадлежавших, самое меньшее, к восьми различным семействам и востям и говоривших на десятках племенных языков и наречий.

В настоящее время на том же пространстве в Европе мы находим всего шесть сходных друг с другом романских языков, четыре из которых имеют ещё более близкие им языки и наречия. Таковы французский с провансальским и валонским, испанский с каталонским, португальский, рето-романский, итальянский с латинским и фриаульским и румынский с молдавским.

Так происходит процесс концентрации, объединения языков.

Одновременно на тех же землях происходит процесс смешения языков на основе смешения племён, народностей и, наконец, наций. Как мы видели, современные романские нации (итальянцы, французы, румыны и т. д.) представляют результат смешения многих народов, а следовательно, и национальные романские языки образовались путём смешения и скрещивания разных языков и наречий. Наконец, те же романские языки представляют собой итоги развития «готового материала»: народного языка древнего Рима и его поселенцев на завоеванных землях, так называемой «вульгарной латыни». Но эта латынь была не гадательным

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IV, стр. 414.

прязыком, а действительным стержнем, вокруг которого происходил процесс уменьшения количества, укрупнения и сближения языков.

Все эти три стороны одного и того же явления и составили единый ход развития романских языков.

Подобным же образом развивались и славянские, и угро-финские, и германские и многие другие языки.

Отправляясь от этих достаточно изученных примеров, мы можем считать, что и в гораздо более древние времена процесс образования сначала племенных языков из стадных, а затем и межплеменных и народных языков из племенных совершался подобным же образом.

Итак, во всякой группе родственных языков существовал стержневой язык, вокруг которого объединялось большое количество разнородных языков. Только в результате этого и могли возникать группы родственных языков, называемых языковыми семействами.

Что же касается предположений, что якобы один прязык мог разветвиться в целую группу родственных языков на пустом месте, без участия многих соседних языков и наречий, то это, конечно, чистая выдумка, лишённая всякого основания.

Таким образом, весь ход развития человеческой речи показывает, что она началась со множества мелких, изолированных, грубо первобытных стадных языков и пришла к богатым, развитым, даже мировым языкам.

«...Гитлеровская клика своей людоедской политикой восстановила против Германии все народы мира,— говорил в ноябре 1944 г. товарищ Сталин,— а так называемая «избранная немецкая раса» стала предметом всеобщей ненависти.

В ходе войны гитлеровцы понесли не только военное, но и морально-политическое поражение. Утвердившаяся в нашей стране идеология равноправия всех рас и наций, идеология дружбы народов одержала полную победу над идеологией звериного национализма и расовой ненависти гитлеровцев»¹.

Не уничтожение всех языков, кроме немецкого, как проповедывали гитлеровские расисты, а, наоборот, равноправие языков, их изучение и использование в жизни — вот в чём должна заключаться одна из задач общественности в

¹ Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 4-е, Господитиздат, 1944, стр. 147—148.

Советском Союзе и во всех свободолюбивых странах. Ещё Маркс, по свидетельству Лафарга, не раз повторял, что знание языков есть оружие в жизненной борьбе. Одной из неплохих традиций передовой части русской интеллигенции было хорошее знание, кроме родного, даже не одного, а нескольких иностранных языков. Каждый культурный гражданин Советского Союза, не забывая своего родного языка, должен изучать и знать языки соседних и союзных наций. От этого только выиграет советская и мировая культура, будет облегчено мирное сотрудничество всех свободолюбивых наций и сближение их национальных культур и языков.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
1. СКОЛЬКО ЯЗЫКОВ НА СВЕТЕ?	5
2. КАК ОБЪЯСНЯЮТ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКОВ	13
3. ГОВОРЯТ ЛИ ЖИВОТНЫЕ?	21
4. КАК ЛЮДИ СТАЛИ ГОВОРИТЬ?	30
5. ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НИКОГДА НЕ ГОВОРИЛО ТОЛЬКО НА ОДНОМ ЯЗЫКЕ?	39

Редактор В. КАГАНОВ.

Подписано к печати 4 мая 1945 г. А16965. Тираж 30 000 экз.
Лек. № 1060, Объем 2 1/4 печ. л. Цена 75 коп.

Набрано в типографии газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24-
Отпечатано в 3-й типографии «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига»
ОГИЗ при СНК РСФСР, Москва, Краснопролетарская, 16.